

Финансирование террористической и иной противоправной деятельности

Правовая характеристика

Виктор МЕРКУРЬЕВ
Ольга БОБРОВА

Часть 1. Совершенствование базисных положений национального законодательства по противодействию финансированию терроризма

Основополагающим направлением регуляции Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма»¹, согласно ст. 1 нормативного правового акта, является защита прав и законных интересов граждан, общества и государства посредством создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) дохо-

МЕРКУРЬЕВ Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции. *E-mail:* merkuriev-vui@mail.ru

БОБРОВА Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции. *E-mail:* bogomazova.olga2013@yandex.ru

Ключевые слова: Конституция РФ, федеральное законодательство, терроризм, экстремизм, межконфессиональные и межэтнические конфликты, УК РФ, валюта.

¹ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма».

дов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

Предметом данного федерального закона является регулирование отношений, в которые вступают граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, а также организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, иностранные структуры без образования юридического лица, государственные органы в целях предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём, и финансированием терроризма, а также отношений юридических лиц и федеральных органов исполнительной власти, связанных с установлением бенефициарных владельцев юридических лиц (ч. 1 ст. 2).

Охарактеризованные п. 11 ст. 7 указанного ФЗ права организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, корреспондируются с мерами по реализации целей этого правового акта, поскольку в числе иных они направлены на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путём создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём. Причём такие меры, как неоднократно отмечал Конституционный Суд России, применяются указанными организациями в строго оговорённых законом случаях (определения от 20 декабря 2016 г. № 2591-О, от 20 апреля 2017 г. № 797-О и от 27 сентября 2018 г. № 2495-О) и неопределённости не содержат.

Одним из острейших вопросов современной России и других стран остаётся проблема террористических и экстремистских проявлений и в целом радикализации преступной деятельности, фундаментом которых служит их финансовое и материальное обеспечение.

В частности, глобальный характер имеет угроза расширения масштабов финансирования терроризма и распространения оружия массового поражения за счёт денежных средств, полученных вследствие преступной деятельности из иностранных источников, что потенциально может повлечь эскалацию межконфессиональных и межэтнических конфликтов национального, регионального и международного характера.

Успешная борьба с преступностью невозможна без эффективного

пресечения её финансовых основ. Если бы организованная преступность не имела возможности придать своим криминальным доходам законную форму, а террористические сообщества и организации не получали бы финансовых средств на организацию вербовочной и иной террористической деятельности, то, скорее всего, масштабы подобных преступлений были бы минимальны.

Анализ работы правоохранительных органов на этом направлении указывает на всю её сложность.

Например, обращает на себя внимание несоответствие между зарегистрированными фактами легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества и количеством «серых» финансовых средств, попадающих в поле зрения банков.

Так, в 2024 г. объём сомнительных операций в банковском секторе снизился на 21% – с 113 млрд руб. до 90 млрд. Хотя эта динамика позитивна, абсолютное значение показателя по-прежнему остаётся внушительным.

Для сравнения: в предыдущие два года снижение было менее интенсивным и составляло 5–12%.

Ощутимый прогресс обусловлен комплексом мер, принимаемых кредитными организациями и Банком России, а также эффективным функционированием информационно-аналитической системы – платформы «Знай своего клиента»².

Аналогичная тенденция наблюдается при анализе ситуации, связанной с незаконным выводом денежных средств за рубеж через российские банки: за тот же период объём таких операций сократился на 17% – с 31 млрд до 25,6 млрд руб.³

Значимость деятельности, направленной на противодействие финансированию терроризма, диверсионной и экстремистской деятельности (ПрФТДиЭ), сложно переоценить, особенно в условиях проведения специальной военной операции (СВО). Как одну из основных задач в настоящее время следует рассматривать необходимость разрушения экономической базы диверсионно-террористической и экстремистской деятельности.

Выявление и ликвидация источников и каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности (ФТиЭД) Стратегией противодействия экстремизму в России отнесены к основным направлениям государственной политики в сфере противодействия экстремизму⁴.

Предупреждение и пресечение ФТиЭД, других правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также использования в противоправных целях цифровых валют в Стратегии национальной безопасности России⁵, отнесены к задачам, решение которых направлено на реализацию государственной политики по обеспечению государственной и общественной безопасности.

Понятие финансирования экстремизма раскрыто в ст. 282³ УК РФ⁶ и в подп. 9 п. 4 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации. Однако определение в Стратегии носит более общий характер, тогда как в УК РФ оно конкретизировано для целей уголовного преследования.

² Платформа «Знай своего клиента» (ЗСК): сервис оценки уровня риска вовлеченности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в подозрительные операции [Электронный ресурс] / Банк России // URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/platform_zsk/ (дата обращения: 14.12.2025).

³ Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги // Банк России // URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/>

⁵ Указы Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации на 2026 год. Со всеми изменениями, законопроектами и постановлениями судов. М.: АСТ, 2025. – 400 с.

Как следует из подп. 9 п. 4 Стратегии противодействия экстремизму, в России под финансированием экстремистской деятельности понимается оказание финансовых услуг либо предоставление или сбор денежных (в наличной или безналичной форме), или материальных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования экстремистской организации или экстремистского сообщества, подготовки или совершения хотя бы одного преступления экстремистской направленности либо для финансирования или материального обеспечения лица в целях совершения им такого преступления.

Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷, вступившим в силу 1 июня 2025 г., введено ещё одно определение «финансирование экстремизма», под которым понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, признаваемых таковыми

в соответствии с УК РФ, либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Следовательно, финансирование экстремистской деятельности – это финансирование противоправных деяний, перечисленных в п. 1 ст. 1 закона № 114-ФЗ, круг которых довольно обширен. Более конкретное понятие финансирования экстремистской деятельности содержится в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации.

В ст. 3 Закона о ПОД/ФТ* и ФРОМУ** приводится следующее понятие термина «финансирование терроризма»: *предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из указанных преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооружённого формирования или преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений*⁸.

⁷ Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51545>

⁸ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // URL: <https://base.garant.ru/12123862/>

* ПОД/ФТ – противодействие отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма.

** ФРОМУ – противодействие финансированию распространения орудия массового уничтожения.

Аналогичное определение финансирования терроризма приведено в примечании 1 к ст. 205¹ УК РФ (действие террористической деятельности), предусматривающей в том числе уголовную ответственность за финансирование терроризма.

Давая характеристику механизму ФТиЭД, прежде всего обращаем внимание на то, что он включает в себя ряд элементов, в том числе:

- источники ФТиЭД (различные способы получения финансовых и материальных средств, необходимых для финансирования экстремистской и террористической деятельности). Источниками – способами получения материальной и денежной поддержки – являются иностранные государства и организации, а также обособленные подразделения иностранных организаций, физические и юридические лица, общественные и религиозные организации, национальные диаспоры⁹;

- каналы финансирования (пути, по которым поступают и перемещаются материальные и денежные средства объектам ФТиЭД). Они могут быть цифровыми и нецифровыми (традиционные способы получения и перемещения средств)¹⁰.

К традиционным способам финансирования экстремистской деятельности и терроризма можно отнести:

- поступление частных пожертвований лиц, сочувствующих экстре-

мистам и террористам, а также лиц, не осознающих конечную цель использования жертвуемых денежных средств (сбор средств на вымышленные или ложные цели);

- незаконное использование некоммерческих организаций;

- доходы, полученные от преступной деятельности;

- вымогательство у населения, этнических диаспор и предпринимателей;

- похищения людей с целью получения выкупа;

- законная коммерческая деятельность;

- поддержка радикальных движений отдельно взятыми государствами;

- неофициальные платёжные системы типа «Хавала», «Хунди» и т. д.¹¹

Кроме названных выше способов в последнее время устойчивый характер приобретает финансирование экстремистской деятельности международными организациями и фондами, поддерживающими так называемых перспективных носителей протестного потенциала и реализацию в России сценариев «цветных революций».

Наряду с ними появляются и другие риски и угрозы, связанные с финансированием экстремистской деятельности и терроризма, что также не осталось без внимания Группы

⁹ Глуценко П.А. Механизм финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник СЮИ. 2024. № 5. С. 112-118.

¹⁰ Иванов П.И., Беляева Т.Н. К вопросу о совершенствовании системы противодействия финансированию экстремистской деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 95-99.

¹¹ *Thulfiqar al Saadi*. Cyber terrorist finance methods // Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Cybersecurity. Published by ProQuest LLC. N.Y., 2016. P. 15; Паненков А.А. Борьба с финансированием террористической деятельности в России // Право и безопасность. 2009. № 3 // URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_28_16.htm

разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)¹².

К современным рискам можно отнести:

- участие иностранных боевиков-террористов, которые привлекают свои средства и средства сочувствующих жителей иностранных государств, выходцами из которых они являются, что придаёт финансированию международный характер;

- сбор средств через социальные сети и информационно-телекоммуникационную Интернет;

- сбор средств через различные мессенджеры;

- использование виртуальной валюты (криптовалюты), предоплаченных карт;

- осуществление платежей через информационно-телекоммуникационную Интернет;

- бесконтрольное использование природных ресурсов (нефть, газ, добыча различного рода ископаемых);

- деятельность так называемых финансовых пирамид;

- теневой банкинг*, который занимается незаконной финансовой деятельностью (выводом денежных средств за границу, минуя меры государственного контроля в отношении трансграничного движения капитала; операциями по финансово-

му обслуживанию теневого сектора экономики; «отмыванием» денежных средств и т. д.)¹³.

Стоит также отметить, что в настоящее время нередки случаи использования в качестве каналов финансирования экстремистской деятельности и терроризма гуманитарных, некоммерческих и коммерческих организаций, которые действуют на законных основаниях и могут выступать в данном качестве как непреднамеренно, так и преднамеренно¹⁴.

Террористические, экстремистские группировки, криминальные сообщества активно используют цифровые технологии. Президент РФ на совещании судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов (19 февраля 2026 г.) заявил, что это приводит к возникновению новых форм преступлений. По его словам, возникают новые формы преступной деятельности, «растёт число случаев, когда цифровая валюта является средством преступления, незаконным доходом либо предметом криминального посягательства. Практики, с которыми сталкиваются граждане, бизнес зачастую не имеют системного и нормативного регулирования»¹⁵.

¹² Отчёт ФАТФ. Новые риски финансирования терроризма. Октябрь 2015 // URL: <http://docplayer.ru/25803061-Otchet-fatf-novye-riski-finansirovaniya-terrorizma.html>

¹³ Богатырев С.И. Обеспечение финансово-экономической безопасности России в условиях теневого банкинга. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. С. 16. – 192 с.

¹⁴ Паненков А.А. Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы противодействия финансированию терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 265.

¹⁵ Путин отметил рост числа случаев использования криптовалюты в преступных целях // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1073662>

* Теневой банкинг – совокупность финансовых институтов, которые реализуют широкий спектр финансовых операций, но не являются банками, в связи с чем не подпадают под контроль Центрального банка.

В этой связи важное значение приобретает выработка понятийного аппарата, основанного на научной интерпретации результатов проведённых исследований. В частности, под ФТиЭД следует понимать опасное социально-правовое явление, осуществляемое различными способами, а именно:

- безвозмездного предоставления (выделения) сочувствующими лицами и лицами, вовлечёнными в противоправную деятельность, средств и ресурсов с целью поддержки экстремистской деятельности и терроризма;

- обеспечения конкретных экстремистских, террористических организаций и отдельных физических лиц материальной базой для подготовки и осуществления противоправных деяний экстремистского и террористического характера, направленных на подрыв конституционных основ государства;

- дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими определенных решений¹⁶.

Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия терроризму целесообразно рассмотреть на примере стран, входящих в объединение БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), поскольку, с одной стороны, именно с этими государствами

Российская Федерация осуществляет наиболее тесное сотрудничество в борьбе с терроризмом, а с другой – они представляют практически весь спектр правовых систем современности.

По состоянию на конец 2025 г. БРИКС является межгосударственным объединением десяти стран (Бразилия, Египет, Индия, Иран, КНР, ОАЭ, Россия, Саудовская Аравия, Эфиопия и Южно-Африканская Республика).

На тот же период ШОС включала 10 стран-участниц (Белоруссия, Индия, Иран, Казахстан, Киргизия, Китай, Пакистан, Россия, Таджикистан, Узбекистан).

К наиболее значимому нормативному акту в данной сфере относится Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в Нью-Йорке 9 декабря 1999 г.). Её участниками на конец 2025 г. была 191 страна мира, включая все страны БРИКС и ШОС. Последней из них Конвенцию ратифицировал Иран (29 октября 2025 г.)¹⁷.

В настоящее время финансирование терроризма криминализовано во всех государствах – участниках БРИКС и ШОС. При этом в семи странах соответствующие статьи содержатся в тексте уголовного кодекса (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, КНР, Россия, Таджикистан, Узбекистан). В других государствах они включены в специаль-

¹⁶ Виллинский Г.О. Финансирование экстремистской деятельности и терроризма: выработка единого определения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 2. С. 114–118.

¹⁷ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. // Депозитарий договоров ООН // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml

ное законодательство о борьбе с терроризмом¹⁸.

В виде самостоятельного состава финансирования терроризма криминализовано в уголовном законодательстве Бразилии, Белоруссии, Индии, Ирана, Киргизии, ОАЭ, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана, Эфиопии. В других странах рассматриваемое деяние выступает в качестве альтернативного признака объективной стороны тех или иных составов, охватывающих содействие террористической деятельности (Казахстан, КНР, Россия, Саудовская Аравия).

В УК Казахстана предусмотрен состав преступления «Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму» (ст. 258), в УК КНР – «Содействие террористической деятельности» (ст. 120-1).

Наиболее сложным путём пошёл законодатель ЮАР, где уголовная ответственность за рассматриваемое деяние установлена лишь в косвенной форме, а именно как ответственность за нарушение предписаний и неисполнение требований Центра финансовой разведки. Подобная «аномалия» не случайна, поскольку уголовное законодательство ЮАР является одним из самых бессистемных и запутанных в мире (отсутствует не только уголовный кодекс, но и чёткое регулирование отдельных уголовно-правовых институтов).

В Иране и ОАЭ предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц за финансирование терроризма.

Что касается формулировок составов рассматриваемого деяния, то в странах БРИКС и ШОС они соответствуют предписаниям Конвенции и рекомендациям ФАТФ (Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Законодатели этих стран стремятся к максимально широкому охвату всех форм материально-финансового содействия, а также его адресатов, включающих физические лица и организации, преследующие любые цели террористического или сходного с ним характера.

Несмотря на «этимологию» названия рассматриваемого деяния, подразумевающего предоставление террористам финансовых средств, Конвенция понимает под такими средствами любое имущество, включая недвижимое.

Некоторые законодатели при формулировании соответствующих составов более-менее близко воспроизводят конвенционный перечень средств (Таджикистан), другие, напротив, ограничиваются лишь упоминанием «финансовой помощи» (КНР), «средств» (ОАЭ, Эфиопия). В УК РФ под финансированием терроризма понимается «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг» (Примечание 1 к ст. 205¹ УК РФ).

¹⁸ Закон № 13, 260/2016 (Закон о терроризме) в Бразилии; Антитеррористический закон № 94 2015 г. в Египте; Закон о предотвращении незаконной деятельности 1967 г. (в редакции Закона от 17 декабря 2008 г.) в Индии; Закон о борьбе с финансированием терроризма 2016 г. в Иране; Антитеррористический закон № XXVII 1997 г. Пакистане; Закон о борьбе с преступлениями террористической направленности и их финансировании 2017 г. в Саудовской Аравии; Прокламация 780/2013 об отмывании денег и финансировании терроризма в Эфиопии; Закон о Центре финансовой разведки (Financial Intelligence Centre Act) 2001 г. в ЮАР.

Иногда к финансированию терроризма относят предоставление не только средств (имущества), но и любых услуг (Бразилия, Казахстан, Узбекистан).

В некоторых странах понятие «финансирование терроризма» трактуется значительно шире конвенционного и включает в себя вообще любую помощь.

Так, в Саудовской Аравии: «Любое лицо, которое предоставляет террористической организации, её члену или отдельному террористу любые средства связи, информацию, консультации, помощь, средства к существованию, жильё, приют, медицинскую помощь, транспорт, место встречи или любое другое содействие для достижения их целей, подлежит тюремному заключению на срок до 20 лет и не менее 10 лет подряд» (ст. 38 Закона Саудовской Аравии).

В силу того, что законодательство этих государств об ответственности за финансирование терроризма имеет изначально единую рамочную основу, в настоящее время нет необходимости говорить о его гармонизации. Имеющиеся различия носят скорее юридико-технический характер и объясняются во многом особенностями законодательной техники, присущими тем или иным системам права.

Например, в Иране категория «террористические преступления» носит весьма сложный характер, поскольку включает в себя как нормы религиозного (шариатского) права, так и светского законодательства. В частности, на основе норм шариата террористами признаются так называемые мохаребы («те, кто ведёт войну против Бога») – участники мятежа или массовых беспорядков.

Другая категория террористических преступлений именуется фесад фель-ар («распростране-

ние разложения на земле») и включает широкий круг деяний против государственной и общественной безопасности («преступления против физической неприкосновенности и внутренней или внешней безопасности страны, подрыв государственной экономической системы, поджоги и уничтожение имущества, распространение токсичных, микробиологических и опасных веществ, которые вызывают серьёзные нарушения общественного порядка»).

Совершение преступлений этих двух категорий наказуемо смертной казнью, так же как и их финансирование*. В остальных случаях виновный в финансировании терроризма подлежит наказанию в виде лишения свободы от двух до пяти лет.

Особую актуальность в контексте технологизации преступной деятельности, когда цифровая валюта является средством преступления, незаконным доходом либо предметом криминального посягательства, приобретают меры по противодействию использованию современных технологий для финансирования терроризма, особенно в условиях роста цифровизации экономик и распространения виртуальных активов.

К примеру, Федеральным указом-законом ОАЭ от 2025 г. № 10 «О противодействии отмыванию доходов, финансированию терроризма и противодействию финансированию распространения оружия массового поражения» установлена уголовная ответственность за использование криптовалюты в целях финансирования терроризма.

Такой подход демонстрирует тенденцию к ужесточению регулирования в сфере цифровых финансов и может служить примером для России в усилении правовых механизмов противодействия новым формам финансирования терроризма.

* Для мохаребов в качестве альтернативы предусмотрены членовредительские наказания.

В этом контексте следует обратиться к некоторым другим актам Конституционного Суда РФ в вопросах обращения цифровой валюты, поскольку такие механизмы финансирования приобрели распространённый способ криминогенного характера*.

Несмотря на имеющееся определение цифровой валюты в действующем законодательстве России, вынуждены констатировать, что оно не позволяет отнести её ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества.

Вместе с тем это весьма удобный способ для сокрытия финансовых операций. Прозрачность таких операций неудобна в раскрытии происхождения средств в правоохранительных целях.

Согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026), «цифровой валютой признаётся совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной систе-

ме, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему её правилам».

Сказанное позволяет рассматривать цифровую валюту как разновидность виртуальных активов, определяемых в рекомендациях Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)** как цифровое выражение ценности, которое может цифровым образом обращаться или переводиться и может быть использовано для целей платежа и инвестиций (виртуальные активы при этом не включают в себя цифровое выражение фиатных ва-

* Федеральным законом регулируются отношения, возникающие при выпуске, учёте и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации, включая её майнинг (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ).

** ФАТФ – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF) является межправительственным органом, учреждённым в июле 1989 г. в Париже (Франция) по инициативе глав правительств «Группы семи» (G7) в целях реагирования на вызовы и угрозы отмывания денег. В октябре 2001 г. ФАТФ расширила свой мандат, включив в него проблемы противодействия финансированию терроризма, а с 2008 г. – проблематику предотвращения финансирования распространения оружия массового поражения.

В настоящее время членами ФАТФ являются 38 стран и два международных объединения. В работе ФАТФ принимают участие 24 наблюдателя. Ассоциированными членами ФАТФ являются девять региональных групп по типу ФАТФ. Таким образом, глобальная международная сеть по ПОД/ФТ/ПРОМУ охватывает более 200 государств и территорий.

лют, ценных бумаг и других финансовых активов, по смыслу соответствующих рекомендаций ФАТФ).

Справочно

Цифровой валютой признаётся совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему её правилам. ФЗ 259-ФЗ ч.3. ст.1.

В отличие от вещей цифровая валюта не имеет осязаемого воплощения, а существует лишь в виртуальном пространстве в рамках определённой информационной системы, что объясняет объективные трудности в правовом регулировании этого явления. Осуществление прав на цифровую валюту опосредовано операторами и (или) узлами информационной системы и зависит от соблюдения установленных в ней правил и параметров. Хотя цифровые валюты способны предлагаться и приниматься в качестве средства платежа и инвестиций, но они не относятся к безналичным денежным средствам, существующим в виде записи на банковском счёте,

поскольку последние представляют собой обязательственное требование к банку, а первые не дают своим обладателям аналогичных прав в отношении какого-либо субъекта.

Процедура выпуска и обращения цифровой валюты в некоторой степени схожа с системой, предусмотренной законом для бездокументарных ценных бумаг (п. 2 и 3 ст. 149, п. 1 и 2 ст. 149.2 ГК РФ), но в отличие от последних цифровая валюта не удостоверяет какого-либо права требования (ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 259-ФЗ, п. 1 ст. 149 ГК РФ). Не относятся цифровые валюты и к цифровым правам, поскольку последними признаются только те права, которые названы таковыми в законе (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ), вследствие чего к цифровым валютам не применимо регулирование, установленное Федеральным законом от 1 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (п. 2 ч. 1 ст. 2).

Цифровая валюта признана имуществом для целей Налогового кодекса Российской Федерации (абз. 33 п. 2 ст. 11 в редакции Федерального закона от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»).

Одновременно в данном кодексе урегулированы вопросы налогообложения доходов в виде цифровой валюты, полученной в результате её майнинга, и доходов по операциям с цифровыми валютами в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, предусмат-

ривающего использование цифровой валюты в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам (контрактам) (ст. 282.3). Кроме того, в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций допускается проведение организованных торгов цифровой валютой (ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах»).

Указанные качества цифровых валют в сочетании с придаваемыми им в экономическом обороте функциями приводят к тому, что, несмотря на виртуальные формы, в которые они облечены, обладание ими наполняется в современных реалиях вполне конкретным имущественным содержанием. Хотя использование цифровой валюты ограничено и не урегулировано во всех возможных аспектах, гражданское законодательство принципиально не препятствует тому, чтобы рассматривать её как объект гражданских прав – в качестве «иного имущества» по смыслу ст. 128 ГК РФ. Отсутствие допускаемого законом запрета на сделки с цифровой валютой (ч. 11 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ) и согласующиеся с этим законные возможности её приобретения и использования свидетельствуют о том, что обладание цифровой валютой не выпадает из-под гражданско-правового регулирования, а её очевидное и признанное законодателем имущественное содержание заставляет рассматривать связанные с ней правоотношения как отношения собственности, которые в конституционно-правовом смысле распространяются как на вещные, так и на иные имущественные права, равным образом охраняемые ст. 35 (ч. 1 и 2) Конституции РФ.

Правоотношения, вытекающие из обладания цифровыми валютами и из сделок (операций) с ними, должны, как и иные имущественные правоотношения, регламентироваться законодателем исходя из принципов правового государства, включая юридическое равенство и справедливость. Любые вводимые законом ограничения прав владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы

предпринимательской деятельности и свободы договоров должны определяться необходимостью охраны конституционных ценностей, быть обоснованными и соразмерными, не затрагивать существо конституционных прав, не нарушать автономии воли и имущественную самостоятельность участников оборота, не допускать неправомерного вмешательства в частные дела собственников, кредиторов и должников и вместе с тем обеспечивать соотношение принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 г. № 10-П, от 14 мая 2012 г. № 11-П, от 12 мая 2020 г. № 23-П и др.).

Стремление законодателя к созданию дифференцированного правового режима цифровой валюты, допускающего её ограниченное и контролируемое использование при одновременном обеспечении необходимой прозрачности её оборота, продиктовано также повышенными рисками её применения в противоправной деятельности. В силу своей децентрализованной природы и возможностей неконтролируемого, в том числе теневого, использования цифровая валюта зачастую становится инструментом для:

- сокрытия доходов;
- отмывания денежных средств, полученных преступным путём;
- финансирования преступной деятельности;
- ухода от налогов и вывода средств из легальной экономики и банковской системы, в том числе за пределы национальной юрисдикции.

Поступательное выстраивание правовой базы для противодействия

указанным явлениям включает как детализацию требований к провайдерам услуг виртуальных активов для достижения должной прозрачности операций с цифровой валютой, так и развитие инструментария юридической ответственности за её противоправное использование. Этому вопросу законодатель уделяет особое внимание (проект ФЗ № 902782-8 «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Сказанное позволяет рассматривать цифровую валюту как имущество, чья оборотоспособность ограничена законом по смыслу п. 2 ст. 129 ГК РФ. При этом, как ранее отмечал Конституционный Суд России, законодатель вправе учитывать особые характеристики тех или иных объектов посредством возложения на их собственников дополнительных обязанностей и обременений (постановления от 31 мая 2005 г. № 6-П, от 22 апреля 2011 г. № 5-П и др.). Соответственно, законодатель может ограничивать права, связанные с обладанием цифровой валютой, подобно ограничению прав владельцев иных ограниченных в гражданском обороте объектов, но лишь в той мере, в какой – по смыслу ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ и корреспондирующего ей п. 2 ст. 1 ГК РФ – это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других

лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Так и произошло после того, как в России узаконили изъятие цифровой валюты как имущества. 20 февраля 2026 г. президент России В.В. Путин подписал закон, который устанавливает порядок ареста и изъятия цифровой валюты в рамках уголовного процесса¹⁹.

Нормативный правовой акт дополняет УК и УПК положениями о признании цифровой валюты имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального законодательства и описывает порядок её изъятия.

В протоколе при изъятии криптовалюты должны быть указаны: вид валюты, количество и адреса-идентификаторы.

Носители или доступ к криптовалюте необходимо хранить в печатанном виде.

Для сохранности цифровая валюта может быть переведена на специальный адрес, порядок перевода и хранения определит правительство РФ. Перевод арестованной криптовалюты на специальный адрес-идентификатор допускается при наличии технической возможности.

Согласно пояснениям заместителя министра юстиции Е. Ардабьевой, закон закрепляет уже существующую практику изъятия цифровых активов в ходе следственных действий как с «холодных кошельков» (путём изъятия устройств), так и с «горячих» – через получение ключей, создания скриншотов и фиксации данных. Также предусмотрено взаимодействие с зарубежными криптобиржами²⁰.

¹⁹ Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52966>

²⁰ <https://www.interfax.ru/russia/1073981>

Библиография

- Богатырев С.И.* Обеспечение финансово-экономической безопасности России в условиях теневого банкинга. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. – 192 с.
- Вилинский Г.О.* Финансирование экстремистской деятельности и терроризма: выработка единого определения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 2. С. 114–118.
- Глуценко П.А.* Механизм финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник СЮИ. 2024. № 5. С. 112-118.
- Иванов П.И., Беляева Т.Н.* К вопросу о совершенствовании системы противодействия финансированию экстремистской деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 95-99.
- Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. // Депозитарий договоров ООН // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml
- Отчёт ФАТФ. Новые риски финансирования терроризма. Октябрь 2015 // URL: <http://docplayer.ru/25803061-Otchet-fatf-novye-riski-finansirovaniya-terrorizma.htm>
- Паненков А.А.* Борьба с финансированием террористической деятельности в России // Право и безопасность. 2009. № 3 // URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_28_16.htm
- Паненков А.А.* Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы противодействия финансированию терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 264-271.
- Путин отметил рост числа случаев использования криптовалюты в преступных целях // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1073662>
- Уголовный кодекс Российской Федерации на 2026 год. Со всеми изменениями, законопроектами и постановлениями судов. М.: АСТ, 2025. – 400 с.
- Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
- Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/>
- Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52966>
- Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51545>
- Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // URL: <https://base.garant.ru/12123862/>

Статья поступила в редакцию 25 марта 2026 г.

Статья принята к публикации 2 апреля 2026 г.